

Денис Соболев

ГОВОРЯЩИЙ С ТРАВАМИ

Денис Соболев

**Говорящий с травами.
Книга первая**

«Издательские решения»

Соболев Д.

Говорящий с травами. Книга первая / Д. Соболев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933643-9

«Говорящий с травами» — история о том, что действительно важно. О дружбе и взаимовыручке, о любви и верности, о честности и смелости, об умении принимать решения и отвечать за них. Живописные пейзажи, шикарные сцены охоты, таежные хитрости и удивительные приключения Матвея в глухой сибирской тайге! Все, что есть в этой книге, живет в каждом из нас с вами. В далеком детстве, в дедовых байках, в посиделках у костра, в первых ночевках на берегу. Загляните в мир Матвея, вдруг вам нравится такой мир?

ISBN 978-5-44-933643-9

© Соболев Д.
© Издательские решения

Содержание

Матвейка	6
Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Говорящий с травмами

Книга первая

Денис Соболев

Дизайнер обложки Андрей Фролов

Фотограф Закир Умаров

© Денис Соболев, 2019

© Андрей Фролов, дизайн обложки, 2019

© Закир Умаров, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4493-3643-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-3644-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Матвейка

Предисловие

Дед Матвей очень любил свои горы, поросшие тайгой и травами. Всю жизнь любил, долгую и разную. Менялось все вокруг него. Приходили и уходили люди, строились и уходили в небытие деревеньки, выходили из берегов реки... а горы не менялись.

Он родился, страшно подумать, еще при царе. В маленькой деревеньке у отрогов Тигерекского хребта, на Алтае. Он помнил, как в детстве носился босиком взапуски по лужам, шлепая босыми пятками в грязь и оскальзываясь на мокрой траве. Как брал из-под несущки теплое яйцо, тер об рукав и выпивал залпом. Как прижимался к теплому коровьему боку, когда прятался от гневливого батьки: очень тот любил вожжами пороть за провинности. А вожжами оно больно очень! Уж лучше розгой... Помнил и как с мамкой доил корову, а потом нес подойник в ледник, смешно скособоچась и отставив левую руку в сторону, для равновесия. А смешной дворовой кутенок все норовил подпрыгнуть и прихватить за пальцы.

А потом кутенок подрос и стал большим кудлатым псом, яростно отстаивающим двор от всякого прохожего. Иногда Матвейка прятался в будке у Серко, спасаясь от злого во хмелю соседского старшака – тот невзлюбил его за давнюю детскую шалость и всякий раз норовил дать пинка или подзатыльник. Но Серко не давал в обиду – молча вставал рядом и щерил зубы, показывая белые клыки длиной в палец. И любой обидчик начинал задумываться: а стоит ли? В будке Серко лежал, положив лобастую голову на вытянутые лапы, а Матвейка сидел рядом, подтянув колени и уткнувшись в них носом, вдыхая теплый песий запах и перебирая в пальцах жесткую густую шерсть.

Вообще, Серко был его самым верным другом и помощником. Однажды в глухозимье в деревню зашел матерый волк. Крепкий, поджарый, на высоких лапах, он смотрел на играющих мальчишек.

Откуда вылетел Серко, никто заметить не успел. Миг – и рычащий и ревущий клубок покатился по улице, сбив опешившего Матвейку с ног. Ничего невозможно было понять в этом яростном клубке. Матвейка схватил оглоблю (и откуда только силы взялись) и бросился в бой, спасать друга. Но никак не мог улучшить момент, чтобы ударить по волку, а не по Серко. Мальчишки залезли на сарай и оттуда с ужасом и восторгом смотрели на драку. Матвейка остался один, и от этого было совсем страшно. Но он не мог бросить друга! Капельки крови рубинами сверкали на белом снегу, снег разлетался из-под лап сцепившихся зверей. В какой-то момент Матвейка увидел глаза Серко и впервые его испугался – это были глаза зверя, дерущегося насмерть и готового убить. Но вот клубок расцепился. Волк и Серко стояли друг напротив друга, хрипло дыша. Одинаковые в своей ярости и даже внешне чем-то похожие. Те же палевые бока и лобастая голова, высокие лапы и дикий, кровожадный, немигающий взгляд. У Серко были разорваны щека и ухо, у волка обгрызена вся морда, и он припадал на правую переднюю лапу. Но смотрел так страшно, что Матвейка невольно попятился, забыв про оглоблю и свое намерение спасти друга. Серко, почуяв за спиной движение, рванул вперед с быстротой стрелы, грудь в грудь сшибся с волком, сходу подмял его под себя и взял за горло. Волк смотрел на Серко не мигая, яростными желтыми глазами. И малец про себя просил друга: «Только не выпусти его, только не выпусти...» И тот держал до тех пор, пока глаза волка не подернулись пеленой. Бросил и, хромая, пошел к будке, роняя капли крови на истоптанный снег. Мальчишки спрыгнули с сарая и опасливо подошли к лежащему волку. Наконец самый смелый из них ткнул его палкой и отскочил испуганно – а ну как вскочит! Но волк не вскочил, победа Серко была полной. Матвейка же рванул вслед за другом: как он там?

Серко лежал перед будкой и зализывал здоровенную рваную рану на боку. Матвейка присел перед ним, положил руку на лоб. Серко со стоном выдохнул, растянулся на снегу. И мальчишка решил его спасти – побежал в дом, требовать от мамы хоть что-то сделать. Отец Матвейки, кряжистый длиннорукий мужик, услышав про волка, выскочил из дома и побежал туда, где уже собралось полдеревни. Растолкав зевак, он увидел здоровенного зверя. Ай да Серко! Волка он забрал и позже сшил Матвейке полушубок, теплый-претеплый.

А в тот день, зайдя во двор, отец принес из сарая дерюгу, постелил ее в будке. Потом промыл и зашил рану (Серко только скулил и скалил зубы, но терпел – понимал, что ему помогают). Матвейка все это время сидел рядом, гладил друга, трепал по загривку. Серко обнюхал его и молча уткнулся в Матвейкину грудь головой, помахивая самым кончиком хвоста, он обычно скупно выражал свои чувства. Отец на руках перенес обессиленного пса в будку. Уже после они сварили для Серко бульон из сахарных косточек, запарили в бульоне кашу и накормили пса до отвала – заслужил...

Глава 1

Этой весной отец впервые взял его с собой в коренную тайгу, подновить зимовье после долгой снежной зимы. В телеге было навалено душистое теплое сено, поверх брошены пара тулупов, для мягкости. Быстро загрузили нехитрый припас и тронулись в путь. Отец правил понурой лошадкой, изредка похлопывая ее вожжами по круглым бокам. Телегу подбрасывало на ухабах, и Матвейке было сложно поначалу, боялся вылететь. Но потом приноровился. Погода стояла – благодать! Яркое апрельское солнышко ласково пригревало с ярко-синего небосвода, основная грязь уже подсохла, птичий гомон заглушал все другие звуки. А из тайги шел такой запах, что кружилась голова и хотелось громко кричать от счастья. Пахло весной, хвоей и травой, подснежниками и почему-то медом.

Серко бежал рядом с телегой, внюхиваясь в воздух и временами забегая то справа, то слева от телеги и иногда поглядывая на Матвейку: как там его друг?

Отец молчал и курил самокрутку с ядреным самосадам. Он вообще был неразговорчивым и вниманием Матвейку не баловал – так только, вожжами поучить.

Матвейка привык и не ждал от отца внимания и ласки. Поэтому вздрогнул от неожиданности, когда отец, гулко прокашлявшись, сказал вдруг:

– Глянь-ка, Матвей, косач сидит, – и показал пальцем на опушку леса, куда они въезжали.

И впрямь, на самой макушке березы сидел смоляно-черный тетерев. Он смотрел на них, смешно склонив голову набок. Матвейка смотрел на него во все глаза – впервые видел он тетерева так близко. А тот спорхнул с березки и полетел, часто взмахивая крыльями.

Телега скрылась в тайге. Матвейка зажмурился: он хотел увидеть тайгу сразу. Подождал чуть-чуть и открыл. Ух как красиво! Вокруг стоят красноствольные сосны, земля вся усыпана хвоей и шишками, кое-где появляется первая ярко-изумрудная трава. Солнечный свет пробивается плотными лучами, и деревья отбрасывают тени. Эта игра света и тени заставляла сердце восторженно замирать. Отец искоса поглядывал на Матвейку, усмехаясь в бороду...

До зимовья они добрались только к вечеру. Матвейка порядком устал и проголодался. По пути они съели лишь краюху хлеба да головку лука, запив это все талой водой. Зимовье показалось Матвейке невзрачным, неказистым. Маленькая приземистая избушка с черной от времени крышей из корья и крохотным окошком. Дверь валялась на земле, сорванная с петель. Отец озабоченно осмотрелся, заметил что-то на земле.

– Матвей, подь сюда. Гляди, кто это, – он указывал пальцем на большущий след, в котором поблескивала талая вода.

– Медведь? – неуверенно спросил Матвейка.

Отец только хмыкнул, потрепал его по голове и сказал:

– А ну пойдем в дом, поглядим, чего он там набедокурил.

Серко обнюхивал след, загривок поднялся дыбом, уши прижались.

Отец пошел к зимовью, снимая с плеча берданку (он был промысловиком и добывал пушного зверя). Медведь, конечно, ушел, но мало ли. В тайге терять осторожность – значит, терять жизнь. Перед дверью отец остановился, принялся. Зверем из зимовья не пахло. Маленькое окошко давало мало света, и ничего толком нельзя было разглядеть.

Серко первым скользнул внутрь, отец шагнул следом, пошарил там и затеплил масленку. Матвейка робко ступил внутрь... и сразу увидел перевернутый стол и разломанную табуретку. В углу светлым пятном выделялось разворошенное сено. В другом углу – небольшая печурка. Вдоль стены – широкие нары. Больше ничего и не было.

Отец молча взял топор и пошел за дровами. Матвейка же затеялся наводить порядок: поднял стол, оказавшийся на удивление тяжелым, смел к печке остатки табуретки – пойдут на растопку, прибрал сено.

Осмотрелся – больше делать было нечего. Тогда он пошарил возле печки и нашел кресало. Быстро надрал бересты, сложил растопку и начал высекать искру – дело насквозь привычное. Вскоре в печурке загудел, забился огонь. Печь нещадно дымила, и Матвейка опрометью выскочил из зимовья. Ничего, прогреется и будет нормальная тяга. И только потом сообразил, что за зиму в трубу много всякого могло попасть. Прислонил к крыше лежащее тут же бревнышко с насечками, наподобие ступеней, и полез наверх.

Крыша выглядела очень ненадежно. Черное осклизлое корье расплзлось под ногами в разные стороны, норовя сбросить вниз. Но он упорно карабкался вверх. Серко приплясывал внизу, встревоженно наблюдая. Добрался до трубы, глянул внутрь и обомлел – там было чье-то гнездо, пустое. Аккуратно вынул его из трубы, достал еще какой-то сор, и наконец из нее повалил сырой тяжелый дым.

Отец вернулся с охапкой сушняка, со стуком бросил ее возле стены и присел на пороге, закуривая. Увидев находку, бросил:

– Бурундучье...

Бурундуков Матвейка уже знал. Эти маленькие веселые шустрые зверьки всегда его забавляли. Они напоминали ему деревенских мальчишек, таких же шустрых и неугомонных. Маленькие полосатые разбойники часто сопровождали ребят, когда те ватагой ходили за грибами. И тогда по опушкам то и дело разносилось радостное:

– О! Груздя, груздя нашел! Еще одного!

– А у меня подберезовики! Да какие!

Очень Матвейка любил ходить в лес. Обычно он уходил от всех и оставался один на один с лесом, только Серко бегал кругами, вынюхивая белок. Он просил у леса разрешения взять грибы. Его никто этому не учил, но Матвейка откуда-то точно знал, что лес – живой. И обижать его не хотел. И тот всегда радовал его грибами, показывая крепкие боровички и тугие запашистые подосиновики. Срезая каждый грибок, Матвейка благодарил лес. Он никогда никому об этом не говорил – засмеют ведь...

...Матвейка подумал, куда бы ему пристроить гнездо – вдруг бурундуки потеряют свой дом, будут его искать. Отец сказал, что гнездо брошенное и бурундуки уже верно свили себе новое. Но Матвейка все равно бережно пристроил его под самой крышей. А потом взял большой чугунок и пошел на родник за водой – пора было кашеварить, они с отцом оба были голодными.

Каша получилась удивительно вкусной! Всегда так почему-то получается. Дома ты эту кашу и есть не станешь, будешь нос воротить. А вот в тайге или на реке та же каша кажется вкусней всего на свете! Душистая, с луком и сморчками, которые Матвейка набрал тут же, недалеко от зимовья, в березовом околке.

Пожинав, они с отцом устроились спать. Дровишки сложили внутри, недалеко от печки. Ночью придется вставать, подбрасывать, иначе за ночь зимовье выстудится: – на улице все же апрель, ночами еще холодно. Серко устроился в ногах, а потом и вовсе перебрался под бок Матвейке, согревая его.

Утро началось с аромата чая. Матвейка открыл глаза и долго лежал под тулупом, глядя в потолок и вспоминая вчерашний день. И ликовал оттого, что впереди еще несколько дней в тайге и столько всего интересного ждет. А в зимовье витал запах каких-то трав, будил в душе предчувствие лета. Матвейка выскочил из зимовья и побежал на родник умыться. Ледяная ароматная вода взбодрила, он обмылся до пояса, отойдя чуть в сторонку – незачем поганить родничок. А ключ, к слову, был особенный – глубокий и очень холодный, он спрятался между корней старого кедра. И сам как будто пах кедром и хвоей...

Серко с любопытством наблюдал за Матвейкой, и тот не удержался, брызнул псу в морду водой. Серко зафыркал, смешно морща нос и крутя головой...

Матвейка бегом вернулся в зимовье. Серко бежал рядом, подпрыгивая и пытаясь, как в детстве, прихватить друга за руку, очень бережно. Вершковые клыки могли запросто перемолоть косточки...

Отец тем временем запарил чаек из ароматных трав, разломил краюху хлеба на три части – поменьше для Серко. И пояснил удивленному Матвейке:

– В тайге собака первый помощник. Сам голодай, а собаку накорми.

Матвейка пил душистый чаек и пытался угадать, из чего же он собран. Ярче всех угадывалась смородина – ее густой аромат ни с чем не перепутаешь. Были нотки слегка горчащего курильского чая – здесь его было очень много, и вся деревня заготавливала его на зиму. Мягкий обволакивающий иван-чай и чуть терпковатый брусничник... вроде все? Нет, еще еле угадывающиеся нотки лесной малины. Вот теперь точно все! Матвейка довольно шурился, отпивая из горячей кружки парящий чай – хорошо...

После завтрака засобирались в тайгу, за корьем для крыши. Отец взял с собой ружье и топор, и они пошли. Идти по тайге было легко и радостно. Всюду щебетали птицы, в верхушках сосен цокали белки, потревоженные людьми. Серко задирает голову и порывивал на них, а белки в ответ роняли вниз шишки, норовя попасть по псу. Забавно было наблюдать, как они переругивались.

Отец вел Матвейку еле приметной тропой, петлявшей между мшистых в распадке сосен. Вокруг уже поднимались отроги хребта. Там, в распадке, много больших валежин. С них-то отец и будет снимать корье для крыши.

Дошли. Серко тут же умчался осматривать и обнюхивать окрестности. Отец походил немного, выбирая подходящую валежину. Остановился у почти нетронутой мхом старой пихты, лежавшей отдельно от прочих на залитой солнцем полянке. Там и тут стояли кандыки, тянули свои бутоны к солнцу, росла ковром черемша (они звали ее колбой). А в тенишке, где еще лежал снег, стояли сморчки. Матвейка обрадовался – вечером будет вкусная жарехи! Очень он любил жареную колбу со сморчками...

Отец тем временем подозвал его к себе:

– Вот смотри, Матвейка. Как думаешь, отчего я именно эту пихту выбрал?

– Ну-у-у... она без мха почти, так?

– Так. А еще?

Матвейка внимательно осмотрелся, пытаясь понять, чем еще эта пихта отличается от других валежин?

– Она на сухом месте лежит, как будто бы на пригорочке!

– Точно. Это значит, кора на ней не успела подгнить сверху и послужит дольше.

Отец встал над пихтой, расставив ноги, и аккуратными короткими ударами топора начал срубить мешающие сучья – позже они пойдут на растопку. Затем он принялся так же аккуратно рассекать кору вдоль ствола, от верхушки к комлю, сначала с одной стороны, потом с другой. Матвейка смотрел, как отец ловко управляет с топором, и страстно мечтал научиться так же. Словно услышав его, отец протянул ему топор:

– А ну, попробуй-ка. Видел, как я делаю? Вот так же давай.

Матвейка взял в руки топор – тяжелый, увесистый. Топорище выглажено ладонями отца и скользит в пока еще слабом Матвейкином хвате. Ну да ничего, это дело наживное. Пробовать было боязно – а вдруг соскользнет топор? А нога-то вон она. Матвейка встал над бревном, как отец, примерился... тукнул. Удар вышел слабеньким. Матвейка засопел, сжал топор покрепче, размахнулся побольше и топор со звоном соскочил с пихты и воткнулся в землю. Он чуть не расплакался от досады. Как же так? У отца вон как ловко получается... Отец подошел, взял Матвейкины руки в свои, и принялись они вдвоем рубить. Он ощущал отцовские сильные руки с дубленой мозолистой кожей, и ему было спокойно. Отец убрал руки и отшагнул в сторону,

а Матвейка так и продолжал ссекать корье. Затем отец забрал топор и стал рассекать кору поперек.

– Смотри, сын, и запоминай. Рассекать поперек кору надо обязательно еще на дереве, иначе потом просто покрошишь, если на земле будешь рубить. А так кора лежит привычно, не гуляет и не трескается вдоль.

Окорили пару пихт. Потом Матвейка набрал по-быстрому колбы и сморчков полную котомку, и они отправились в обратный путь, свистнув Серко. Отец связал корье веревкой и соорудил что-то вроде заплечного мешка, закрепив корье на спине. Странно было видеть отца, несущего на спине такую огромную охапку. Казалось, она вот-вот ткнет его носом в землю. Но отец шагал и шагал, весело насвистывая что-то под нос. В тайге он стал каким-то веселым и общительным, не таким, как дома.

Матвейка же нес котомку с колбой и отцовское ружье на плече. Оно больно колотило его прикладом по бедру и оттягивало плечо, но Матвейка ни за что не отдал бы его. Он чувствовал себя настоящим охотником!

Серко весело бежал впереди. На белок внимания он уже не обращал – еще чего. Внезапно пес остановился и бешено зарычал, пригибая голову к земле. Отец мигом сбросил корье с плеч, выхватил у Матвейки ружье, начал заряжать, глядя вперед. Матвейка тоже бросил котомку и стоял, стискивая нож (у него на поясе всегда висел отцовский охотничий нож).

Серко же маленькими шажками пошел вперед, ступая осторожно, как по тонкому льду, и рыча низко и страшно. Отец наконец зарядил ружье (хотя на самом деле почти мгновенно, но для Матвейки секунды сейчас растянулись) и пошел вслед Серко. И вдруг впереди, прямо на тропе, показался медведь. Тощий, какой-то ободранный, не очень большой. Но страшный до жути. Он беспокойно смотрел на Серко и на отца, поводил носом и крутил головой, низко опустив ее к земле и глядя исподлобья. Мрачный, тяжелый взгляд.

Отец вскинул ружье к плечу, но стрелять не спешил. Серко тоже не кидался вперед – просто стоял и утробно рычал, дрожа всем телом. Отец вдруг сказал негромко:

– Иди себе. Зачем мы тебе? Иди... я не стану стрелять.

Матвейка стоял, замерев от ужаса, и не мог понять, почему отец не стреляет. А медведь все стоял и смотрел, как будто решая, стоит ли верить. Потом как-то смешно попятился, скрылся за деревьями и бросился наутек. Серко перестал рычать, но стоял все так же напряженно. Как и отец – он не опустил пока ружья.

Постояли чуть-чуть, прислушиваясь. Отец разделил корье на две неравные части. Ту, что поменьше, закрепил на Матвейке, вторую на себе, повесил на плечо заряженное ружье, и они пошли. Матвейка все время поглядывал на Серко, не заволнуется ли? Но все было тихо – медведь и правда ушел.

Дойдя до зимовья, они сгрузили корье и затеялись кашеварить. Матвейка быстро промыл колбу и сморчки от мелкого лесного мусора, порезал их и положил в чугунок, где уже шкворчал добрый кусок сала. Отец же в это время почистил несколько картофелин.

Скоро все это великолепие весело бурлило, распространяя вокруг просто убийственные запахи! Матвейка глотал слюну и все думал, почему же отец не стал стрелять. Решил спросить вечером, после ужина. А пока сидел на крылечке и выстрагивал из сосновых сучков деревянные гвозди – крепить корье на крыше. Сосна хрупкая, когда ломаешь ее. Но вот такие вот гвоздочки из сучков да корневищ очень крепкие и легко входят в дерево. Главное, сделать их не слишком толстыми и не слишком тонкими. Иначе или не полезут, или просто сломаются. Такие гвозди его научил делать еще дед, сидя долгими зимними вечерами у печки.

Наконец жареха поспела, и отец понес ее на улицу, держа тряпкой раскаленный чугунок. Сели на улице, благо погода была чудесная. Обжигаясь, ели прямо из чугунка. Хорошо хоть ложка деревянная не жжется. Ложки тоже дед еще резал...

Серко блаженно шурился на солнышко, положив голову Матвейке на колени. Отец сказал:

– Сейчас будем крышу латать. Успеть надо дотемна, так что будешь мне помогать. Сначала вместе залезем на крышу и быстро скинем старое корье. То, что целое, оставляем, – и глянул на Матвейку цепко – понял ли?

Матвейка только молча кивнул и отхлебнул чаю...

...Отец первым забрался наверх, подал Матвейке руку. Сам перебрался на другую часть крыши и начал быстро срывать старое корье. Матвейка последовал его примеру. Ощупывал корье руками и совсем негодное сбрасывал вниз безжалостно. Гвозди отламывались вместе с корьем – сгнило все. Отец рассказывал попутно, отдуваясь:

– Эту крышу я лет пять назад делал, нормально послужила. А теперь вот сгнила. Вышло время. Всему свой срок приходит, даже железу. Ты об этом помни, сын.

Матвейка слушал и удивлялся про себя – какой у него батька, оказывается, интересный... Крышу они ободрали быстро. Отец спрыгнул вниз, нацепил на спину связку свежего корья и полез наверх. На крыше он быстро распутал свои узлы и начал укладывать новое корье поверх уцелевшего с прошлого года. Прижимал плотно, приставлял гвоздь и двумя точными ударами загонял его в крышу. Матвейка начал быстро раскладывать корье по всей крыше. Так и работали – Матвейка раскладывал, отец приколачивал. Управились до темноты, как отец и хотел.

Потом сварганили на ужин каши и наскоро поели. Утром решили идти на рыбалку.

Лежа в темноте, Матвейка все не решался задать вопрос. Но потом набрался решимости, спросил:

– Бать, а почему ты в медведя не стрелял?

Отец усмехнулся в темноте:

– А я все думал – спросишь или нет? Незачем было его стрелять. Он хозяин здесь. А мы... мы в гости пришли. Он весенний, голодный. Только что из берлоги своей вылез, не ел всю зиму. И ищет, чего бы такого съесть. А тут мы на пути. Но он не стал, все понял. Да и весной добывать медведя незачем – шкура дрянь, мясо дрянь. Нет, незачем. Первый таежный закон – никогда не стреляй, если нет нужды. И не бери больше, чем тебе нужно.

Матвейка помолчал, обдумывая, и спросил еще:

– А если бы он на нас кинулся, что тогда?

– Тогда бы стрелял, тут мы бы в своем праве были. Каждый имеет право защищать себя и своих. Таков второй таежный закон.

– А осенью, получается, можно стрелять?

– А зачем? Если кто заболел и желчь нужна, например, или жир – то да. А без нужды не надо. С тайгой надо в мире жить. Тайга нас кормит и одевает, и кров дает...

Отец замолчал, а вскоре и засопел спокойно, ровно. Матвейка все думал над его словами. Все это было и так понятно, он нутром это все знал. А теперь вот, когда отец все облек в слова, понял окончательно...

...Утром отец поднял Матвейку еще затемно. Дрова в печку подбрасывать не стал – все равно же уйдут сейчас, и в зимовье было зябко. Быстро попили теплого чаю (котелок стоял на печке всю ночь) и отправились в путь. Из снастей у отца была только самодельная острога. Весной крупные рыбыны терлись возле берега, заходили на нерест в узкие протоки. Тут их и острожили. Идти до Чарыша было далеко, часа три пешего ходу. И они шли.

Предутренняя тайга казалась Матвейке какой-то незнакомой. За каждым кустом мерещился медведь или волк. Серко же был спокоен. И только иногда останавливался, широко зевая, показывая верхковые клыки. Он явно не понимал, куда это его друг идет в такую рань.

Матвейка крутил головой по сторонам, не забывая поглядывать и под ноги – здесь везде из земли выступали узловатые корневища. Отец же шагал и шагал мерно, только ружье пока-

чивалось за плечом. Как он что-то видел в такой темноте? Потом Матвейка и сам начал явно различать тропинку: она была светлее окружающей земли.

Отец сказал через плечо:

– Звериная тропа. Лоси здесь весной переходят дальше. Да и другой зверь к реке ходит. Звери – они ведь тоже лапы по бурелому ломать не любят...

Вокруг постепенно светлело, и вот загомонили птицы, как-то дружно и сразу. И потеплело на душе, все ночные страхи исчезли бесследно. Хорошо как! Солнечные лучи пронизали тайгу, яркими полосами ложась на кусты и деревья, скользили по лицу теплыми лапами...

Вот и Чарыш. Красивый и своенравный, с перекатами и омутами, зажатый здесь с одного берега крутым обрывам, а с их стороны – тайгой, выходящей к самой воде. Река уходила вдаль, в горы, и от красоты захватывало дух...

Спустились к воде и пошли по большим прибрежным окатышам, прыгая с камня на камень и вглядываясь в воду. Вот отец замер, изогнулся весь и ударил острой в воду прямо себе под ноги. И сразу кто-то сильный забился в воде, взметывая фонтаны брызг и выдергивая острогу из рук. Но отец не сдавался, давил острогу вниз, прижимая рыбину ко дну. Матвейка подбежал ближе и из-под руки отца увидел здоровенный малиновый хвост, никак не меньше весла от соседской лодки-обласка. Ух ты! Таймень! Точно таймень! Вот его черная широкая, округлая, как бревно, спина, и мощная широколобая голова, и малиновый хвост, бьющий по воде. Отец держал тайменя, навалившись на острогу всем весом. А острога дергалась, норовя вырваться из рук или сбросить отца в воду.

Но вот и речной гигант устал, перестал биться. Лежал на дне и шевелил плавниками да разгонял мелкие камешки жаберными крышками. Отец, все так же держа острогу одной рукой, спрыгнул в воду и навалился на тайменя, сел на него верхом. Ух великан! Сейчас, увидев отца, сидящего на рыбине, Матвейка понял, что таймень значительно больше, чем ему показалось вначале. А таймень заворочался, забился под отцом, но уже поздно.

Отец подхватил его обеими руками под жабры и выволок на берег. Упал рядом с ним, тяжело отдуваясь. Матвейка смотрел на рыбину, разинув рот от удивления. Темно-синяя, почти черная спина постепенно переходила к более светлым бокам и совсем белому брюху. Ярко-малиновые плавники размером в отцовскую ладонь и хвост, широкий и мощный. Лобастая голова с толстыми губами и маленькие черные глаза. Таймень потряс его своими исполинскими размерами. Отдышавшись, отец быстрыми движениями вспорол тайменю брюхо, вывалив оттуда большой клубок потрохов, вырвал жабры. В желудке тайменя они нашли частично переваренную щуку килограмма на четыре. Ох и здоров!

Отец с трудом взвалил рыбину на плечи, продев веревку через губастую тайменью пасть, и пошел к зимовью. Широкий малиновый хвост волочился по земле. Шли с передышками, да и немудрено – таймень весил пуда четыре, не меньше. Но дошли все же.

Отец подвесил тайменя на вбитый в стену сук, и пошел отстирывать одежду – весь пропитался рыбьим духом. Если сразу не отстирать, через день придется выбросить.

Уходя, сказал:

– Запрягай, домой поедем

Матвейка расстроился было, но потом вспомнил про таяжский закон. Тот, который: «не бери больше, чем надо». Ведь если они не довезут тайменя, и он пропадет, то получается, что они зря его добыли. И побежал запрягать...

Нужно ли говорить, какими глазами смотрели на лежащего в телеге тайменя все в деревне? А в глазах мальчишек Матвейка вознесся на недостижимую высоту – это ж надо, такого таймёнищу поймать!

Дома отец порубил тайменя на части. Часть унес на ледник, часть переработали в фарш и тоже отправили на ледник – будут потом вкусные пельмени с котлетами. Еще часть раздал по соседям и родне. Из головы мамка сварила пару больших тазов заливного. А в этот день был

большой праздничный пирог, на который позвали родню. Вот так один таймень полдеревни накормил...

Глава 2

Весна в том году выдалась очень дружной. Необычно быстро пронесло лед по реке, как будто весна торопилась поскорее вступить в свои права. Сразу и везде зазеленела трава и установилась теплая ясная погода. Все эти весенние дни Матвейка проводил на улице.

К этому времени уже забылся гигантский таймень... И только шрам на боку Серко напоминал уличанским пацанам о волке, от которого их спас друг Матвейки, да и сам Матвейка не заскочил, как все, на сарай, а остался рядом, готовый с оглоблей в руках ему помогать...

Отношения с отцом после их поездки на зимовье тоже изменились. Он стал учить Матвея разным промысловым ухваткам. Как подготовить снаряжение к сезону и как его держать в сохранности летом, как отличить здорового зверя от больного, как ходить по тайге без шума и как не встретиться с медведем, и много чего еще. А Матвейка слушал отца и удивлялся: как один человек может столько всего знать? Как это умещается в памяти? Но отец не просто рассказывал – он показывал на своем примере.

Как-то Матвейка с отцом собрались на речку, ловить хариуса. Хариус – рыба осторожная и невероятно капризная. Поймать ее никто из деревенских мальчишек пока так и не смог. И между ними велось негласное соревнование на первого хариуса. Матвейка вечерами донимал отца просьбами показать, как вязать сплетню и самых уловистых мух, где стоит хариус и как подходить к реке. Ох, и сложная это наука – ловить хариуса. Сначала нужно изучить, что он ест. А питается хариус в разное время года разными насекомыми. Крупный хариус и мальком не брезгует. И значит, нужно узнать, как выглядят эти насекомые и попробовать их повторить из шерстинок и перьев. А еще нужно держать в голове, какие насекомые в каком месяце начинают вылетать или падать в воду... у-у-у-у-у, голова кругом!

Но Матвейка мужественно запоминал все азы рыболовной науки, пытая посмеивающегося в усы отца. Он выщипывал подшерсток у стоически терпевшего бесчинства Серко, драл пух и перья из кур и принесенных отцом с охоты уток и вальдшнепов. А потом вечерами в неверном свете керосинки непослушными пальцами пытался из всего этого добра соорудить мух всех типов и размеров. Отец изобразил ему ручейника и поденку, стрекозу и еще какого-то жучка. Они показались Матвейке невероятно красивыми и аккуратными. И он пытался повторить – ну хотя бы приблизительно – эти шедевры. Но тщетно. Из его рук выходили какие-то невнятные комки перьев с торчащими во все стороны шерстинками. Не-е-ет, такое даже в реку бросать стыдно – засмеют харьюза Матвейку. Он пыхтел, сопел и мучился, бросал и начинал на другой день, снова бросал.

К весне у него получилось пять разных мух. Матвейка был уверен в том, что уж теперь-то он точно первым поймает хариуса. Ждал и не мог дожидаться момента, когда вода в реке наконец посветлеет и можно будет попытать рыбацкую удачу. И этот день настал – отец согласился пойти на речку и показать Матвейке, как ловить хитрого хариуса. Но утром за ним приехали из соседней деревни – нужно было кому-то помочь. И Матвейка пошел на реку один.

Выстроганное из ольхи удилище, плетенная из конского волоса толстая леса и простецкий крючок, выкованный деревенским кузнецом по великой просьбе, драгоценные мушки и плетеная корзина с крышкой, в которой сейчас покоились краюха хлеба, луковица и кусок отварного сала. Матвейка шел по деревне, победно поглядывая по сторонам – он теперь самый настоящий рыбак. Мальчишки увязались за ним, всем хотелось поглядеть, как Матвейка хариуса добывать будет. А он шел и усиленно вспоминал все, что ему рассказывал отец. Какие омутки стоит обловить в первую очередь, как не бросать тень на воду (хариус и тени пугается), и много чего еще.

Но вот берег Чарыша. И все наставления вылетели из Матвейкиной головы. Чарыш потрясал и завораживал. Он всегда так действовал на Матвейку, с самого первого знакомства.

Тогда Матвейке было всего пять и они с отцом и мамой переправлялись на другой берег, на богатые ягодники. Матвейка сидел на дне лодки и ловил рукой брызги от весел. А потом и вовсе изогнулся и дотянулся ладошкой до такой мягкой и шелковистой воды. Вдали в голубой дымке терялись поросшие тайгой горы. И тонкая полоска тумана, от солнечного света играющая золотыми бликами, резала горы пополам...

Матвейка стоял и смотрел на реку, и просил у Чарыша разрешения половить рыбу. Он верил в то, что все вокруг живое, такое же живое, как он сам: и река, и горы, и каждое дерево в тайге. Он чувствовал токи жизни, которые просто переполняли все вокруг, били через край, щедро отдавая эту жизненную силу и ему. И он рос, напиваясь этой силой, и жаждал тоже с кем-нибудь ей делиться. Вот только не знал как...

А мальчишки сзади уже перешептывались, толкая друг друга локтями и поглядывая на замершего Матвейку. Потом один из них, Игнашка, самый бойкий, крикнул ему:

– Матвейка, ты никак на рыбу ворожишь? Смотри, утащит тебя водяной!

И мальчишки захохотали, загомонили, наперебой предрекая Матвейке самые каверзные козни со стороны водяного. Матвейка же молча оглянулся на галдящих сверстников, уселся на круглый теплый камень, отставив удочку чуть в сторону, и принялся закатывать штаны. Рыбачить предстояло взбродку, иначе до омутков ему было никак не достать.

Но вот все готово. Матвейка шагнул в воду, поправил корзинку на животе, и пошел, медленно ощупывая босыми ногами скользкие речные камни. Вода была теплой – у самого берега было по щиколотку, и солнышко успевало прогревать даже камешки на дне. Шаг... другой... вода почти доходила до колен, и ноги уже ощутимо зябли. Но все это мелочи. Разыгравшееся не на шутку волнение горячило кровь, и Матвейка не замечал холодной воды, ощутимо давящей на правую ногу и норовящей столкнуть, понести его к горам.

Пошире расставив ноги и зарывшись для верности пальцами в камешки, Матвейка принялся вязать муху. И чего он на берегу этого не сделал? Здесь же вон как неудобно вязать! Попыхтев пару минут, балансируя зажатым подмышкой удилищем, Матвейка все же справился. Осмотрел еще раз критично муху и опустил ее на воду, отправив к облюбованному омутку за большим камнем. Муха плыла быстро и была еле различима. Солнечные блики играли на поверхности бурливой реки, до боли обжигая глаза и мешая хоть что-то разглядеть. Почти закрыв глаза, Матвейка смотрел за мухой сквозь ресницы. Она неслась, подпрыгивая на волнах. Вот прошла мимо камня, попала в водоворотик и... ничего. Леска вытянулась на течении. Еще один заброс, и все повторяется сначала.

Постояв на этом месте еще немного, Матвейка побрел дальше. Пальцы на ногах совсем заledenели и не чувствовали дна. Идти от этого было тяжело, непривычно. Но за несколько шагов все пришло в норму, и Матвейка брел уже веселей. Вот и следующий подходящий участок – бурливое течение здесь переходило во внешне спокойный участок. Короткий заброс, и мушка снова понеслась по поверхности воды. И в тот самый миг, когда она миновала последний бурунчик и попала на спокойную гладь, прямо под мушкой появился маленький водоворотик... а потом мушка выпрыгнула на поверхность воды. Это же поклевка была! Именно так батя и рассказывал! Э-э-э-эх, растяпа! Матвейка быстро перезабросил муху и с удвоенным вниманием напряженно ждал... вот опять! Он дернул удилище, и муха пулей вылетела из воды, даже не цапнув хариуса. Да что ж такое?

Раз за разом Матвейка подбрасывал муху хариусу и каждый раз опаздывал. Азарт охватил Матвейку, небывалый и яркий. «Не-е-е-ет, я тебя все равно поймаю», – твердил он про себя. И когда он уже отчаялся, рука вдруг ощутила сначала тяжесть, а затем упругие рывки – попался! Попался!!! Матвейка осторожно подтянул к себе хариуса и выловил его из воды.

Какой красивый! Пятнистые серебристые бока, длинное тело... Матвейка вспомнил, что говорил ему отец про спинной плавник. Взял его двумя пальцами и потянул вверх. Ух ты! Да это же настоящий парус! Весь в разноцветных пятнышках, плавник хариуса играл на солнце

всеми цветами радуги. Матвейка любовался им, поворачивая рыбину так и эдак. А потом чмокнул его в лоб и положил в корзинку, напрочь забыв о лежащих там хлебе и сале с луком...

Больше в этот день Матвейка не поймал ни одного хариуса. Внезапно налетел сиверко (северный ветер), а потом и дождь натянуло – первый в этом году. И Матвейка поплелся на берег. Мальчишки ждали его в деревне, под большим деревянным навесом сеновала. Он показал им первого хариуса и вмиг взлетел на недостижимую высоту. Мальчишки причмокивали губами, прицокивали языками, поднимали плавник и всячески выражали восхищение. А Матвейка спешил домой, похвастаться отцу первым в жизни хариусом!

Когда он зашел в дом, мокрый и продрогший, отец сидел за столом и пил чай. Увидев сияющего Матвейку, он молча похлопал по лавке рядом с собой. Мама засутилась, стягивая с Матвейки мокрую одежду. А Матвейка молча достал из корзины хариуса и положил на стол перед отцом. Отец так же молча его рассмотрел, потом потрепал Матвейку по мокрым вихрам и придвинул ему свою кружку с чаем...

На следующий день Матвейка заболел. Дышалось ему тяжело, в груди что-то булькало и хрипело, виски ломило... Мама отпаивала его молоком с медом и закутывала в тулуп, а он лежал на жарко натопленной печке и мерз. Так прошло три дня, не заполненных ничем, кроме озноба и кашля. Потом отец принес откуда-то барсучьего жира и натер им Матвейку, снова закутал его в тулуп и дал выпить теплого молока с этим же жиром. И Матвейка уснул. Снилось ему всякая всячина: говорящие медведи и укоризненно глядящий на него Серко, тайга и почему-то пустая лодка...

Утром ему стало гораздо легче. Он попробовал встать и не смог – слабость накатила волной, Матвейка рухнул на лавку, миглом вспотев. Батька налил ему крепкого бульона и заставил выпить всю кружку. В дом просился Серко, он скулил и царапал дверь – чувствовал, что другу плохо. Отец открыл дверь, и Серко осторожно зашел, прижимая уши и ожидая грозного окрика. Но отец молчал. Серко осторожно подошел к Матвейке, ткнулся холодным носом ему в руки, обнюхал всего. Потом сел перед ним, заглядывая в глаза. Поймав Матвейкин взгляд, заулыбался и неуверенно шевельнул хвостом. Матвейка с трудом поднял руку и положил на лоб Серко. Серко вздохнул, положил голову на колени друга и так сидел. Матвейка задремал, привалившись к стене. Отец поднял его на руки и положил на печку. Серко улегся внизу, но отец выставил его за дверь: в доме ощутимо пахло мокрой псиной.

Проснулся Матвейка на удивление бодрым. Кашель еще немного донимал, но дышалось уже гораздо легче и сил было хоть отбавляй. Он чувствовал, что ему нужно в лес. Там он напитается новыми силами и выздоровеет окончательно.

И Матвейка засобирался. Отца дома не было, мама управлялась по хозяйству на дворе. Он взял с собой крынку молока и краюху хлеба, и вышел на двор. Серко приветствовал его радостным поскуливанием. Он улыбался и прыгал, пытаясь прикусить руку – их любимая забава. Мама только глянула на Матвейку, улыбнулась и дальше занялась делами. Сегодня ему можно было еще ничего не делать. Но уже завтра опять начнется привычная работа по дому.

А пока Матвейка вместе с Серко выскочили за ворота и наперегонки бросились вниз по улице, к лесу...

Вот и лес. Матвейка поставил крынку, положил на нее сверху краюху. Подошел к сосне, прижался к ней всем телом, и стоял так. Он слышал, как внутри бегут соки, питая каждую иголочку. Ощущал тепло и вкусный-вкусный запах живицы. И чувствовал, как оживает сам. Как и по его жилам начинают бежать те же соки, наполняя его жизнью и теплом. Как же хорошо!

Постояв так немного, Матвейка уселся под деревом и принялся завтракать. Отломил от краюхи кусок и отдал его Серко. А потом принялся и сам жевать душистый домашний хлеб, запивая его утренним молоком. Какая же вкуснятина!

Он посидел еще немного, а потом поднялся, легко и пружинисто, и пошел домой – пора было помогать маме...

Глава 3

Матвейка менялся. И с удивлением отмечал в себе эти перемены. Ему все так же увлекательно и весело было прыгать с пацанами по крышам сараев и ходить на рыбалку, купаться в теплых, прогретых солнцем мелких заводинках Чарыша и донимать батьку вопросами. Но в лес он теперь старался выбраться один (Серко не в счет, он как часть самого Матвейки, как правая нога или рука). Он начал обращать внимание на такие мелочи, мимо которых еще вчера проносился не глядя. И вопросы его к батьке стали совсем другими. Теперь он пытался не просто узнать что-то, а докопаться до самой сути.

И по вечерам накатывала какая-то грусть, непонятная и от этого совсем грустная. Матвейка вырослел. Стал замкнутым и молчаливым. Он и раньше не отличался особой разговорчивостью, но сейчас стал совсем молчуном. Он пытался понять, что же с ним такое происходит? Но когда заходил в лес, в нем будто расслаблялась какая-то пружина. Он дышал полной грудью. Просто было хорошо и легко. Сделав всю работу по дому, Матвей уходил в лес и бродил там дотемна в сопровождении верного Серко. Собирал грибы, смородину и малину щипал для чая. А вокруг ведь столько душистых трав! А их можно ли заваривать? А чем полезны? Вот малину при простуде заваривают, а смородину для запаха. А что еще?

И Матвей, придя домой, подступился с вопросами к маме. В их деревне всегда женщины занимались заготовкой трав на зиму. Вся деревня выходила в лес или в поле и заготавливала разные былинки. Матвей никогда не мог понять – зачем всем вместе ходить?..

– Мам, а какие вообще травы собирать можно? – спросил он у устало сидящей у печи мамы.

Она лишь улыбнулась, поглядела на него внимательно и сказала:

– Так ведь смотря для чего, сынок.

– Ну... для чая, например?

– Для чая много разных трав можно собирать. Да всему свое время. Каждая травинка в свою пору силу набирает. Вот тогда ее и брать надо.

– А-а-а-а. Так это поэтому всей деревней за травой ходят, да? Когда она самая сильная, все ее и берут. А кто определяет, что трава уже стала сильной? Как это узнать?

– Это чувствовать надо... да и примет же много разных. Бабка Авдотья траву слушает и всегда угадывает. Верно, слышит она все же. Вот сейчас, например, самая пора почек сосновых да березовых набирать...

– А зачем они? – Матвею стало любопытно.

– В почке вся сила дерева собирается. Вот сосны по пятьсот лет живут... значит, силы в них много. А еще сейчас можно «медвежьи ушки» собирать – очень они при разных хворях полезные...

– Мам, а кто они, ушки-то? – Матвей заулыбался, уж больно название смешное.

– Брусничник это, сынок. Не подмечал? Листочки у брусники маленькие, округлые, как медвежьи уши. Вот и прозвали.

Всю ночь Матвею снились медвежьи уши, торчавшие из зарослей брусники. Утром, наскоро умывшись и выпив парного молока, Матвей занимался привычным домашним делом – ходил за скотиной. Чистил стайку, в которой суматошно толклись розовые поросята, да в хлеву прибирал. Потом пробежался по несушкам, собрал яйца в плетеную корзину, отнес в сени. Затем сходил за водой на колодец, натаскал полные кадки. После полез на крышу – нужно было подправить конек. Да и вообще...

Сидя на крыше, Матвей ловил такие знакомые запахи деревни: парного молока и хлеба, навоза и крепкого самосада. От реки неслись ароматы тайги и буйного разнотравья. Матвей вдыхал все эти запахи полной грудью и как будто летел...

Внизу скрипнула калитка – приехал отец. Он задрал голову к небу и весело глядел на Матвея, приложив ладонь козырьком к глазам:

– Матвей, а ты чего это там сидишь? В тайгу не собираешься что ль?

Матвей принялся было говорить что-то про поправленный конек, но потом вдруг сообразил, что отец говорит про тайгу. Про тайгу! И кубарем скатился по лесенке вниз.

Отец тем временем уже отвязывал лошадь – нужно было запрягать. Сборы были недолгими: у отца всегда все загодя было готово, а Матвею и собирать особо нечего. Взяли припаса на несколько дней, соли, муки, пшеницы, масла бутыль да с чердака сняли мешок ароматного ядреного самосада.

Но главный груз в телеге – улья. Они стояли тесными рядками, распространяя вокруг густой медвяный запах. Еще в конце марта они с отцом откидали снег с зимовальной ямы – омшаника, где пчелы провели всю зиму, прокопали водоотводы, прочистили продухи... А когда потеплело, траншею открыли – убрали солому, сняли доски и дали доступ солнцу. Как радовались пчелы первому теплу! Теперь пришло время везти улья на пасеку. Пасека их стояла на краю большой елани [*], за рекой. За спиной – разнолесье, богатое травами и цветами, чуть дальше – лесное озерцо с черной водой. Мед всегда получался ароматным, тягучим. За ним приезжали даже из соседних деревень, хотя пасек вокруг много...

Тронулись в путь. Поскрипывала телега на ухабах, деревянные колеса гулко стучали, соскакивая в ямы, отец дымил самокруткой в усы... Матвей сидел, привалясь спиной к покачивающимся ульям, и размышлял о том, как сложно все вокруг устроено. Взять тех же пчел – обычные ведь мухи, а какую пользу несут. Отец рассказывал, как в пчелином улье все организовано. Да, в их деревне такого порядка нет. То же и у муравьев. Маленьким Матвей мог часами наблюдать, как юркие черные муравьи строят свой дом, постоянно волокут в него разные веточки, листики... Или как они гурьбой тащат извивающуюся гусеницу, помогая друг дружке. Однажды он стал свидетелем того, как рыжие лесные муравьи совершили настоящий набег на муравейник черных. Рыжие – крупные, злые. Матвей на всю жизнь запомнил, как больно они кусаются. И вот рыжие ворвались в муравейник к черным и принялись откусывать им головы. А черные отбивались, нападая гурьбой. И отбились, рыжие ушли несолоно хлебавши...

Так он размышлял, временами отмахиваясь от пискливых комаров или звонко прихлопывая их то на лбу, то на руке. Вот и река. Остановились, осмотрелись. Брод был наезженный, много раз исхоженный и знакомый до каждого камешка. Но Чарыш – река своенравная. И новые промоины могут появляться там, где ты этого совсем не ждешь. Отец разделся и пошел в воду, ведя лошадь в поводу. Матвей шел за телегой, держась за борт руками. Серко плыл, быстро загребая лапами и смешно вытянув морду.

Колеса телеги погрузились в воду до половины, и вода ощутимо толкнула и телегу, и Матвея. Впереди самый сложный участок – русло. Глубина меньше метра, но вода летит очень быстро. Отец уверенно вел лошадь под уздцы, а та прыдала ушами и фыркала. Вдруг Матвей почувствовал, как телега подалась под напором воды, пошла прямо на него. Он уперся ногами в каменистое дно, пытаясь удержать телегу, да куда там! Телега начала заваливаться на бок, улья опасно накренились. Лошадь заволновалась, но отец железной рукой заставил ее буквально выскочить на мелкое место, вытягивая за собой и телегу. Уф-ф, миновали стремнину.

На берегу они быстро оделись, но Матвей еще долго не мог согреться, зуб на зуб не попадал. Он блаженно подставлял солнцу бока, напиваясь теплом...

Вот и елань, залитая солнцем и дышащая свежестью. Вокруг тесно, плечом к плечу, выстроились красноствольные сосны вперемешку с тонкими березками и черемухой. Совсем скоро наполнится тайга ее благоуханием. Первым делом сгрузили улья. Составили пока рядком, чуть позже разнесут их по местам. Выпрягли лошадь, привязали на длинном поводке – пусть пощиплет свежей травки. А сами занялись сооружением шалаша.

Отец ловко и быстро вырубил несколько жердин, очистил их от сучков и соорудил каркас, закрепив жердь между двумя сосенками. Затем к этой поперечине привязал пару жердей, упер их в землю. Между ними закрепил еще одну поперечину. Закончив с остовом будущего шалаша, они с Матвеем пошли за лапником. Первым слоем пошли березовые ветки с молодой листвой. Их крепили снизу вверх, так чтобы каждый следующий ряд накрывал предыдущий, на манер черепицы. Следом накрыли сосновыми лапами, пушистыми и густыми – они не пустят внутрь воду, если вдруг пойдет дождь. Шалаш получился на загляденье – сухой и просторный. Вечером они разведут костер перед входом, и все тепло будет собираться в шалаше, отражаясь от стенки, а дым будет уходить вверх, распуская комаров.

Пришло время расставлять ульи. Отец сначала обошел всю поляну, осмотрел места, где стояли ульи в прошлом году. Серко бегал следом, любопытничая и обнюхивая землю. Кое-где пришлось расчистить, где-то подровнять – за зиму земля просела в некоторых местах. Подготовив площадку, они принялись таскать ульи. Пчелы встревоженно крутились вокруг. Как только улей вставал на место, они тут же устремлялись в леток, проверить, все ли нормально дома? Через короткое время над поляной раздавался мерный гул – пчелы обживали новое место. Отец с Матвеем принялись кашеварить. Скоро вечер, за хлопотами день пролетел незаметно...

Пужинав, сидели у костра, и Матвей расспрашивал отца:

– Бать, а медведь если придет? Они ж мед любят. Будет зорить пасеку?

– Будет, как не зорить.

– А как тогда быть? Жить здесь все лето?

– Нет, конечно, буду приезжать, проверять.

– А если встретишься с ним? Бать, а он же набросится, да?

– Не обязательно. Может и уйти. Если не хочешь с медведем встретиться – шуми. И он уйдет. Медведь человека не любит и встречаться не хочет...

– Так может тут как-то шуметь, чтобы он не лез?

– А как? – Отец хитро улыбался, глядя на Матвея.

А тот не замечал, все его мысли уже были заняты тем, как же отвадить медведя от пасеки.

Потрескивали в костре смолистые сосновые сучья, лениво звенели комары, отец дымил самокруткой, и ее дым смешивался с синеватым дымком сушняка, путаясь в сосновых ветках над головой.

Так ничего и не придумав, Матвей лежал, заложив руки за голову. Он впервые спал в шалаше, и все ему было удивительно! Спишь ведь на улице, получается. Но не так, как на сеновале. На сеновале как-то... все равно ты дома. А здесь ты в тайге, вокруг тихонько поскрипывают под легким ночным ветерком деревья, запах костерка смешивается с запахом хвои, кто-то шуршит в траве. А на недалеком озере ухает филин. И все это вместе и есть тайга, полная приключений!

Ночью Матвею снился медведь – большой, совсем не страшный. Он сидел с ними у костра и рассказывал про свое житье-бытье, про злых охотников и маленьких медвежат. И ел мед из большой кадушки, макая туда лапу и смешно ее облизывая...

Утро началось с переполоха – Серко облаивал сосну, встав на задние лапы. Он оглядывался на Матвея, требуя посмотреть наверх. Матвей задрал голову, высматривая в ветвях того, на кого так лаял верный пес. Отец стоял рядом. Он уже увидел и ждал, когда заметит сын. Наконец Матвей углядел длинное черное тело, округлые ушки и симпатичную остроносую мордочку – соболь! Ух ты, настоящий соболь! А Серко все лаял и лаял, и оглядывался на Матвея и его отца, как будто спрашивая: «Ну вы чего? Ну вот же он!»

Отец коротко свистнул, отзывая Серко – пора было завтракать, впереди долгий день.

Быстро сварили кашу, позавтракали и стали собираться – пора было отвезти припас в зимовье и посмотреть, как там держится новое корье. Запрягли лошадь и отправились в путь. От пасеки до зимовья было около десяти километров по предгорьям, идти будут полдня точно.

Матвей шел чуть в стороне от телеги, высматривая грибы (сморчки вовсю лезли на каждой полянке, куда падали солнечные лучи) и привыкая к тайге. Он учился ходить неслышно, как показывал отец – ставя ступню на внешнюю сторону и как будто перекатываясь вперед. Ничего не получалось, ноги быстро уставали и каждый шаг сопровождался хрустом. Не-е-ет, так из него охотника не выйдет! И Матвей старался. Серко удивленно поглядывал на друга, но ничего не говорил – не умел просто. А так бы обязательно сказал что-нибудь такое, по глазам было видно.

Одновременно Матвей тренировал внимательность – он старался подмечать разные мелкие детали: интересный куст, сломанную ветку, большую чагу. А еще он высматривал мелких лесных обитателей – белок и бурундуков. Их здесь всегда было много. И так внимательно старался подмечать, что не заметил огромного глухаря. Тот стоял прямо у них на пути, вытянув шею и задрав голову. Серко с лаем кинулся к птице, пытаясь схватить. Глухарь развернул крылья и хвост, и Серко резко остановился – птица оказалась чуть не вдвое больше его самого. А глухарь, воспользовавшись замешательством противника, резко подпрыгнул вверх и полетел. Серко попытался его достать, подпрыгнув, но не сумел – он ведь не глухарь, летать не умеет...

Матвей стоял, заворожено открыв рот – настолько красив и могуч был этот глухарь. Отец, услышав переполох, подошел к Матвею:

– Что тут у вас?

– Большой такой, черный, крылья во! – принялся сбивчиво рассказывать Матвей, широко разводя руки и возбужденно блестя глазами.

– Глухарь – главная птица в тайге. Он может лису ударом крыла убить, очень грозный противник.

Матвей только удивленно головой покачал – это ж какой силищей надо обладать птице, чтобы лису победить!

...Лошадь тянула телегу, мерно взмахивая головой и пофыркивая. Серко то исчезал, то появлялся вновь. Тайга вокруг жила своей бурной весенней жизнью. Оглушительно гомонили птицы, по соснам с ветки на ветку прыгали белки. Один раз Серко загнал на сосну полосатого бурундука. Тот гневно сверкал глазами-бусинками и цокал, глядя на Серко сверху вниз...

До зимовья добрались, когда солнце уже пересекло полуденную черту и вовсю обливало плечи сосен теплыми лучами. Корье было на месте, дверь прикрыта и подперта колом, как они ее и оставляли. Все было нормально. Они быстро перетаскали привезенный припас, разместили в лабазе. Лабаз у них был знатный – небольшой крытый сарайчик на высоте четырех метров, между тремя соснами. Никакой зверь не доберется!

Заночевать решили в зимовье – на пасеку вернулись бы только к ночи. Да и отец задумал показать Матвею глухариный ток недалеко от зимовья.

Проснулись затемно. Быстро перекусили, выпили чаю и отправились к току. Идти было легко, хоть и темно вокруг. Матвей уже начинал понемногу привыкать к таежной жизни, и она ему нравилась.

Внезапно отец сделал ему знак – тихо! И крадучись пошел вперед маленькими шажками. Матвей пошел следом, стараясь не шуметь и боясь даже дышать. И услышал впереди: «Чок-чок-чок». Отец подманил его к себе, прижал палец к губам, и отвел вниз ветку. Матвею открылась небольшая круглая полянка. В центре лежала замшелая пихта, и по ней гордо вышагивал глухарь: большущий, черный как смоль. Он задирает голову и чокал, трясая бородой, расправив хвост и крылья. Напротив него по земле ходил второй глухарь, и тоже чокал. У отца на плече висела верная берданка, но он не снимал ее – не собирался стрелять. И глядя на этих краси-

вых птиц, Матвей понимал причину. Зачем губить такую красоту? От голода они не страдают, а стрелять просто так, ради озорства? Нет, этого они делать не станут. Постояв немного и понаблюдав за токовыми глухарями, они так же бесшумно пошли назад, стараясь не потревожить птиц.

Вернувшись к зимовью, плотно позавтракали вкусной распаренной кашей и отправились на пасеку. Нужно было проверить, как обжились пчелы на новом месте, да и домой собираться – дел накопилось за эти пару дней достаточно...

Глава 4

В это утро все казалось Матвею необычным. И яркое жаркое солнце, которое с самого рассвета заливало все вокруг горячими лучами, и легкий ветерок, доносивший со двора в открытое окно запахи трав, теплого хлеба, молока и меда. И даже перебрех соседских собак (Серко обычно в этих забавах не участвовал) был каким-то непривычным. А все потому, что у Матвея сегодня – именины. Он никогда особенно не ждал этого дня до самого его прихода. Но утром каждый раз его охватывало какое-то радостное томление, предчувствие чего-то необычного. И это утро не стало исключением. Матвей лежал на лавке, мечтательно уставясь в потолок. В это утро его не подняли ни свет ни заря, как обычно это бывает в деревне. Отец сам задал корма и прибрал в хлеву, а мама затеяла праздничный обед и вовсю гремела чугунами.

Матвей вскочил, быстро размялся и побежал на двор, умываться. Ох и бодрит же дождевая водичка из большой деревянной бадьи, стоявшей под сливом. Ухая и вскрикивая от прикосновений холодной воды, Матвей умылся до пояса – так же, как любит делать его отец (он хотел быть на него похожим), растерся докрасна и пошел в дом. Мама ласково потрепала его по макушке испачканной в муке рукой и тут же приставила к делу – тесто вымешивать. Большое, пышное, тесто прокатывалось под руками, становясь упругим. Знатный будет пирог! Отец же уехал куда-то, оседлав лошадь – видно, дела.

За окном раздался громкий свист – это Игнашка, соседский паренек, пришел звать Матвея на улицу. Видимо, он со своими делами по дому уже справился, и теперь сторал от нетерпения первым из уличанских поздравить именинника. Мама лукаво глянула на Матвея, проверила тесто и сказала:

– Беги уж. Заждались тебя поди.

Матвей звонко чмокнул ее в щеку и рванул на улицу, споткнувшись в сених о пустое ведро и чуть не выкатившись кубарем под ноги Игнашке.

Игнашка стоял на дворе, на почтительном расстоянии от лежавшего у будки Серко (его никогда не привязывали, не хотели унижать друга). Увидев Матвея, он обрадованно улыбнулся, а потом, как-то неловко, смущаясь, протянул ему руку:

– С днем рождения что ли?

– Что ли, – Матвей в ответ крепко пожал его руку.

Они только недавно научились обмениваться рукопожатиями, подсмотрели у старшаков. К слову, старшаки недавно побывали в Бийске и многое там видели. Большие дома каменные, большие обозы и даже дам в шляпках! Но малькам, как они презрительно называли Матвея и его сверстников, они этого, понятно, не рассказывали – еще чего. Но Игнашка очень был пронырлив и всегда все узнавал самым первым. Был у него такой талант – оказываться в нужном месте в нужное время.

И однажды благодаря этой своей привычке он спас всю деревню. Что его понесло на Лешачий луг – никто не знает. Даже по названию судя, место это особенной любовью не пользовалось, хотя и располагалось совсем рядом с деревней. Поросший бурьяном и чертополохом, Лешачий луг был просто непроходим. У мальчишек даже было такое соревнование – прохождение луга насквозь на скорость. А потом полдня выбирали колючки из одежды и волос. В тот раз Игнашка – тощий, юркий, с волосами цвета спелой пшеницы и в веснушках по самые уши – прибежал в деревню, заполошно крича и размахивая руками.

Отец Матвея увидел его первым (их двор был ближе всего к лугу), встряхнул за плечи и сказал строго, глядя в глаза:

– Говори толком. Ну!

– Пал! Там пал! – Игнашка тыкал пальцами в сторону луга. Отец Матвея все понял сразу. Повернулся к Матвею:

– Беги по деревне, поднимай народ,

Потом к Игнашке:

– Не обгорел?

– Не. – Игнашка уже отдышался и горел желанием чем-нибудь помочь.

– Тогда беги к старосте, понял?

Игнашка мотнул головой и помчался по пыльной дороге, взбивая пыль босыми пятками.

А отец Матвея, схватив лопату и топор, побежал на луг.

Матвей метался по деревне, срывая голос, поднимал народ. Мужики подхватывались сразу, брали лопаты и бежали бороться с палом. А Матвей несея дальше. В голове его крутилась только одна мысль: «Только бы батка не сгорел». И сердце тревожно трепыхалось, сбиваясь с ритма, мешая дышать.

Обежав деревню, Матвей бегом рванул в сторону луга, над которым уже виднелся столб густого дыма. Запах гари становился все сильнее, и дышать делалось просто невозможно. Стена оранжевого огня шла на деревню, пожирая сухой бурьян метр за метром. Это грозило большой бедой, и мужики спешно копали сухую неподатливую землю, пытаясь остановить пал. А старшаки подрубаали бурьян навстречу палу, растянувшись цепочкой. Жар стягивал кожу на лице и сушил губы, моментально высушивал пот и заставлял курчавиться волосы. Матвейка заворуженно смотрел на огонь и больше не переживал за отца – мужики работали слаженно...

В тот раз деревню они отстояли. И Игнашке на общем сходе подарили картуз и гармонику. А он, обычно задиристый и неунывающий, краснел и смущался. Но уже через час гоголем расхаживал по деревне в новом картузе и пиликал на гармонике – Игнашка был неисправим. И Матвейка так хотел на ней поиграть...

Это было год назад. А сейчас чуть повзрослевший, но такой же шалопаистый Игнашка стоял перед Матвеем и неловко улыбался. Потом вдруг шагнул в сторону, за крыльцо, и появился оттуда с гармоникой, той самой.

– Дарю, – сказал и улыбнулся уже открыто и просто.

– Зачем? Она же твоя... тебе же... – Матвей не спешил принимать подарок.

– Бери-бери. – Игнашка вручил гармонику Матвею. – Я на ней играть все равно так и не научился. Нету во мне музыки. А ты вон постоянно что-то напеваешь. Значит, музыка в тебе есть. И вообще, ты мне друг или портянка?

– Спасибо! – Матвей присел на крыльце и попробовал растянуть гармонь. Она протяжно всхлипнула. Матвей вскочил, забежал в дом, оставил там гармонику, и рванул обратно.

Игнашка уже нетерпеливо приплясывал за воротами.

– Ну чего ты возишься? Пошли скорей на плес купаться, наши все там уже!

И они бегом помчались по дороге вниз, к реке. Матвей бежал и чувствовал, что еще чуть – и он оторвется от земли, взлетит, так много энергии было в нем, так полнила сила его мышцы, так просила полета его душа. Он бежал и счастливо улыбался. Он давно уже обогнал Игнашку, и тот бежал где-то сзади, просил подождать. Но Матвей не мог остановиться, даже если бы захотел...

Вылетев на берег, Матвей промчался мимо остолбеневших мальчишек и девчат и с разбегу, с полного ходу прыгнул в реку. Он летел над водой и очень хотел растянуть этот миг! Ему казалось, что он долетел до середины немаленького плеса. В воду ухнул шумно. Погрузился с головой, и все звуки как отрезало тонкой пленкой воды. Только биение сердца и приглушенный водой плеск. Матвей открыл глаза – Чарыш нес его под водой очень быстро, и он рванулся вверх, толкнувшись ото дна и загребая руками. Легкие горели от нехватки воздуха, и перед глазами вставали красные круги. Но Матвей был спокоен – Чарыш любил его. И Матвей не забывал бросить в его воды краюху хлеба, поблагодарить за ласку.

Вывавшись на поверхность, Матвей заозирался – далеко ли унесло его течение? Оказалось, далеко. Короткими саженками он поплыл к берегу, беря по диагонали – так легче было

преодолевать течение. Выбравшись на берег, стянул с себя мокрую рубаху из грубой домотканой холстины и растянулся на травке, восстанавливая дыхание. Полежав так немного, поднялся, отжал штаны и рубаху, и пошел к ребятам.

Те встретили его шумными поздравлениями, похлопываниями по плечу и дружескими тычками в бок. А Анюта, худенькая и зеленоглазая, неловко чмокнула его в щеку, страшно покраснев. Матвей почувствовал, как щеки и уши его наливаются жаром. А в голове металась всего одна глупая мыслишка: «А чего это она? А?»

Ребята тут же подметили это, да и как было не подметить – всего двое из них были такого замечательного пунцового колера, что можно было темные углы освещать, и принялись подтрунивать:

– Тили-тили-тесто! Жених и невеста!

Матвей вскинулся было, но тут же остыл – ребята веселились от души, не хотели обидеть. А вот Анюта, закрыв лицо руками, побежала прочь. Матвей не пошел за ней – незачем. Захочет – вернется и будет веселиться со всеми.

Они купались, доставали со дна камешки, переплывали плес туда и обратно, стараясь, чтобы не снесло течением слишком далеко. Побеждал тот, кто выходил на свой берег ближе всех к теплившемуся на берегу костерку. Матвей побеждал сегодня во всех состязаниях – это был его день.

А потом они пошли к нему домой, где мама с отцом уже приготовили на улице большой стол, уставили его пирогами да наваристой ухой. Посреди стола красовался большой запеченный гусь с яблоками.

Все расселись шумной гурьбой. Анюта тоже пришла. Матвей сел с одного торца стола, отец с мамой – с другого. Отец поднялся, одернул рубаху, огладил бороду:

– Ну, сынок, вот ты и повзрослел. Теперь, если что со мной случись, будешь ты главным в доме. Ну-ну, мать, – приобнял вскинувшую на него глаза жену, – будет. Сын наш вырос. Поздравляю тебя, сынок.

С этими словами отец извлек из-под стола и протянул Матвею длинный сверток. Сердце забухало в груди, он боялся поверить глазам, но руки уже сжимали в руках, ощущали тяжелую надежность винтовки.

Дрожащими руками Матвей развернул холстину, и на свет появилась берданка – новая, в смазке. Новый не истертый приклад, блестящий ствол. Матвей приложился – приклад удобно уперся в плечо, как будто друг руку положил. Матвей поднял на отца сияющие глаза и не стал ничего говорить. Все и так было ясно. А мама смотрела на него и грустно улыбалась.

А потом Игнат попросил гармонь и так урезал, что ноги сами пустились в пляс! Матвей улучил момент и сказал ему:

– А зачем же ты сказал, что играть не умеешь?

– А я только что научился. – Игнат подмигнул ему, тряхнул соломенными волосами и заиграл еще пуще...

Прошла неделя. Матвей изнывал от нетерпения пострелять из берданки. Но отец запретил.

– Сначала научись разбирать и собирать с закрытыми глазами, ходить за оружием. Пойми, как оно работает. И потом только учись стрелять. Иначе навредишь.

Сказал как отрезал. Когда отец говорил таким тоном, спокойными рублеными фразами, спорить с ним было бесполезно.

И Матвей учился. Разбирал и собирал, смазывал, чистил, прикладывал к плечу и долго выцеливал, привыкал к весу винтовки в руках, учился с ней ходить. Брал ее с собой в лес и ходил, постепенно переставая ощущать вес на плече.

Наконец пришел день, когда отец утром сказал:

– Собирайся, в тайгу поедem. Ружжо не забудь.

Матвей обрадовался, засуетился, собирая все потребное в дорогу... Вот все готово, пора. Сначала – на пасеку, проверить. Потом – зимовье. Попутно – по еланям посмотреть травы.

...Телега привычно тряслась на ухабах, Серко бежал рядом, иногда ныряя в высокую траву. В воздухе висел гул комаров и слепней, солнце неярко светило сквозь тонкую пелену знойных облаков. Такие бывают после долгой жары, затягивают тонкой кисеей небо и не пускают жару к земле, создавая парник. Земля парит, предвещая близкую грозу. Воздух настаивается на терпких запахах полевых трав и влажной земли, хвои и листвы, становясь густым и плотным. И разливается вокруг такое тревожное ожидание. Кузнечики поют как-то не вместе, по одному. А комары и оводы атакуют особенно зло. И даже птицы поют так, будто боятся криком прорвать эту тонкую пелену. И тогда на землю хлынет...

Матвей сидел, поглаживая берданку и поглядывая вперед, на дорогу. Коробка с патронами стояла тут же, рядом. Да и в поясном мешке лежал десяток.

Телега закатилась в лес, и звуки как отрезало. В лесу стояла тишина. Ни ветерка, насекомых не слышно. Все приготовилось к грозе. Отец настегивал лошадку, торопясь успеть до дождя.

Матвей же соскочил с телеги и принялся обрывать березовые ветки с уже основательно проклюнувшейся листвой – самая пора веники вязать. Оборванными ветками начал укрывать сложенный в телеге провиант, патроны и оружие. Отец только одобрительно глянул и подстегнул лошадку в очередной раз...

До пасеки они добрались как раз к моменту, когда в небе тяжело прокатился первый гулкий раскат грома. Подул ветер, срывая и унося в сторону липкую паутину знойных облаков, освежая своим влажным прохладным дыханием. И березки весело зашумели листьями, зашептались, радуясь его приходу.

Они быстро стаскали все в шалаш, привязали лошадь и поставили телегу на попа, облокотив ее на сосенку возле шалаша. Пошли было осматривать пасеку, но громкий раскат грома прямо над головой загнал их в шалаш. И тут же небеса разверзлись! Ливень хлынул стеной, как будто в небе кто-то перевернул бездонное ведро и вода лилась из него сплошным потоком. Белая стена дождя, сначала почти горячего, накрыла пасеку, гулко стуча по ульям и стенкам шалаша, по телеге и быстро наполняющимся ведрам и котелку. Батя курил, и дым никак не мог выйти за пределы шалаша, оседал на землю, наполняя все вокруг запахом самосада. Гром гремел не переставая, трескучие молнии разрывали тучи над самой головой. И вдруг одна из молний угодила точно в верхушку стоящей перед ними сосны. Матвей видел, как молния ударила в дерево и застыла на пару мгновений в воздухе, а затем с оглушительным треском сосна лопнула, полетела щепка и запахло горелым деревом. Лошадь забилась на привязи, приседая на задние ноги, и бешено дергая головой. Отец выскочил под дождь, начал ее успокаивать.

А потом Матвей увидел, впервые в жизни, как дерево горит внутри. Щепки моментально погасли под ливнем, а вот внутри сосна продолжала гореть, и постепенно ствол чернел, набирался жара, шипел и плевался брызгами...

Гроза закончилась так же быстро, как началась. Дождь просто перестал идти и солнце засверкало, заиграло в каплях воды на траве и листьях. Воздух пах небывалой свежестью и молодой листвой. Благодать...

Они пошли смотреть пасеку. Пчелы уже деловито кружились возле летков, осматривая ульи. Все ульи были целы, никто их не потревожил. Поляна густо усыпана цветами и травами, и работы у пчел было хоть отбавляй. Отец открыл крышку одного из ульев и достал рамку. Она уже была заполнена сотами и постепенно наполнялась медом, часть сот уже были запечатаны.

Отец удовлетворенно хмыкнул, поставил рамку на место и закрыл крышку. Пчелы его никогда не кусали. Почему – непонятно.

– Вот, Матвей, видишь, как оно устроено все? Дождь не дождь, а пчела свое дело всегда знает.

– Бать, а как травы выбирать?

– А ты смотри за пчелами. Они на какую попало траву не сядут. Только на самую что ни на есть полезную и пригодную для сбора. Хотя в засуху пчелы даже на пропастине кормятся, бывает. Но тот мед горький, черный.

Осмотрев пасеку, они засобирались в путь – ночевать здесь смысла не было, нужно было припас в зимовье забросить. Скоро туда заезжать на заготовку грибов.

И они отправились. Матвей хотел было зарядить берданку, но отец запретил:

– Никогда не держи патрон в стволе, убьешь кого ненароком. Собираешься стрелять – заряжай. Ну или если опасность какая. А просто так – не моги.

– А вдруг медведь, бать?

– Серко предупредит, ты поглядывай.

И он глядел во все глаза, в глубине души даже желая, чтобы Серко подал знак. Но все было тихо и спокойно. И Матвей смирился.

Добравшись до зимовья, они разом остановились. Дверь была сорвана и лежала внутри, мешок из-под муки лежал на пороге, наполовину выпотрошенный. И везде были медвежьи следы, уже застарелые.

Матвей зарядил берданку. Затвор сыто лязгнул, загоняя патрон в ствол. Матвей настороженно осматривался, хотя Серко вел себя спокойно и даже пару раз недоуменно глянул на друга – чего это ты, мол, в охотника играешь?

Зашли в зимовье, засветили лампу. Мда-а-а... набедокурил косолапый... Стол перевернут, печка на боку лежит, мукой засыпано все вокруг. И посреди зимовья, прямо напротив входа, зловонная куча.

Убирались долго. И пока наводили порядок, отец все ворчал под нос, что за вот это вот найдет и расстреляет медведя. Восстановили печку, обмазали глиной трубу, чтобы не дымила, и затеялись ужин готовить. Наварили каши с грибами, поужинали плотно да и спать завалились. Серко, по обыкновению, залез на нары к Матвею.

Посреди ночи он заволновался. Насторожился сначала, потом низко утробно зарычал, глядя на дверь. Матвей проснулся, сел и прислушался. Снаружи доносилось пыхтение, тяжелое и мощное. И от двери вдруг потянуло мокрой псиной. Отец тоже уже не спал. Одними губами прошептал Матвею:

– Бери ружжо, – и сам потянулся к своей бердане.

Матвей бесшумно соскользнул с нар, прижав морду Серко рукой сверху. Этот знак означал «тихо», и Серко привычно умолк.

Взял берданку, медленно зарядил, медленно отпустил затвор – тот с тихим лязгом встал на место. Все, готов.

Сопение меж тем немного отдалилось. Отец тоже зарядил бердану и сидел на краю нар, готовый стрелять в любой миг.

Выходить сейчас в ночь было безумием – непонятно, где медведь. Ты никак не успеешь довернуть ружье и выстрелить. Нереально. Оставалось сидеть и ждать. Так Матвей узнал, что наличие даже двух заряженных винтовок в руках неробких людей не всегда играет решающую роль в тайге.

Так они просидели полночи. Серко временами нервно поднимал голову и глухо взрыкивал – медведь бродил где-то рядом. Отец сказал перед сном:

– Завтра пойдем его стрелять. Он нам покою не даст. Раз уже трижды здесь был – будет ходить еще.

Матвей уснул сразу – сказался долгий день и бессонная ночь.

Утром проснулись с тяжелыми головами, позавтракали и стали собираться. Искать медведя можно было долго, но с Серко они рассчитывали управиться за день.

Все вокруг было истоптано медведем. Следы были очень крупными, в три ладони Матвея. Отец только осмотрел их внимательно, но ничего не сказал. Пошли.

Шли, чутко осматриваясь и глядя на Серко. А тот бежал носом в землю, иногда поднимая морду вверх и нюхая воздух. Петляли по тайге часа четыре уже, когда перед заросшим балком Серко встал. Шерсть на загривке поднялась дыбом, лапы напряжились, морда пригнулась к земле, уши прижались к голове...

Отец пошел чуть правее, знаком показав Матвею встать наоборот левее. Серко нырнул в заросли и тут же оттуда раздался его бешеный лай и низкий, страшный рев медведя. Матвей аж в коленях ослаб на миг: такой жуткий это был рев – низкий и вибрирующий рык.

А потом Серко выскочил из кустов по другую сторону балка и запрыгал на краю, азартно облаивая кусты. Медведь не показывался. Отец жестом подманил Матвея к себе, и очень вовремя – медведь вылетел из кустов в их сторону и... остановился. Низко опустив голову и качая ей из стороны в сторону, он смотрел на них взглядом, мутным от ярости, и низко рычал, обнажая желтые клыки. Потом рывкнул на них, дернув головой и топнул передними лапами, смешно подпрыгнув.

Все это заняло доли мгновенья. Вдруг из кустов вылетел Серко и с ходу вцепился в ляжку медведя. Тот вертелся, пытаясь достать собаку лапой с длинными когтями и рыча, широко разинув пасть. Отец уже целился, Матвей тоже вскинул винтовку к плечу.

Поймал момент, когда медведь повернулся левым боком, и выстрелил. Приклад боднул в плечо увесисто, пуля угодила в заднюю ногу, медведь дернулся. И в то же мгновение еще один выстрел – это отец. Его пуля пришлась в шею, чуть ниже уха. Медведь упал как подкошенный, дернув головой. Матвей шагнул было к нему, но отец схватил его за рукав:

– Стой! Куда пошел? Нельзя! Никогда к зверю битому не подходи, пока не уверишься, что убил. Смотри, уши торчком стоят, видишь?

– Вижу. – Матвей слегка опешил от такой резкости отца.

– Живой он. Момент ждет, чтобы кинуться.

А сам тем временем быстро перезарядился. Матвей повторил за ним действия. Отец прицелился и выстрелил еще раз, за ухо. На тот раз медведь дернулся и обмяк. Из ноздрей хлынула густая темная кровь.

– Вот теперь готов.

Отец подошел к медведю и принялся его осматривать. Нашел входное от пули Матвея – на бедре, пуля прошла навывлет, пробив брюшину. Потом принялся осматривать шею.

Подозвал Матвея:

– Гляди. Первая моя пуля его только оглушила, прошла по касательной, ударив по черепу. Это как кувалдой треснуть. Вот он и лежал, а уши выдали его. Если бы подошел – сломал бы он тебя. А вот вторая, за ухо вошла и в мозг ему ушла. С полем, сынок.

С разделкой туши медведя они провозились часа четыре. Медведь был огромным. Одна лапа как все тело Матвея в толщину. Когти что твои ножи, а ступней мог накрыть, наверное, все тело Матвея от пояса до шеи, так ему показалось. Сняв шкуру, отрезав лапы и вырубив ребра, остальное они скинули в балок – там найдется кому пожить.

В зимовье они варили лапы, нарезали полосками мясо и коптили его два дня. К слову, отварная медвежья лапа очень похожа на человеческую кисть...

Домой вернулись с добычей. А Матвей еще и с первым охотничьим опытом.

Глава 5

Отец вернулся из города каким-то возбужденным и растерянным. Матвей впервые видел его таким. Зашел в дом, сел за стол, бросив на него картуз. Закурил. Долго и молча курил. А потом, глядя прямо на Матвея, сказал:

– На войну позвали. С немцем биться.

И принялся крутить новую самокрутку. Мама зашарила рукой, нащупывая лавку, села, прижав руку ко рту и молча смотря на отца, привалилась к стене. Матвей молча обнял отца, прижался, вдыхая такой родной запах. Потом отстранился и спросил:

– Бать, а надолго?

– Да кто ж его знает, сынок. Как немца побьем, так и приду.

Мама беззвучно плакала, не вытирая слез, и они капали на вышитую рубашку, оставляя на ней маленькие темные пятнышки.

– Бать, а куда идешь-то? – Матвей пытался спрятать свой страх за вопросами.

– Сначала в город, а оттуда поездом в Москву поедем... м-да...

– А отказаться никак? – спросил Матвей и смутился вдруг.

– Ты чего это, сын? Немца бить надо, иначе он завтра здесь квартировать будет. Не-е-ет, мы ему уже покажем! – Отец отложил недокрученную папироску и поднялся, стукнув кулаком по столу. А потом как-то обмяк, сел вновь и принялся заново крутить самокрутку.

Сборы были недолгими. Отец взял верную берданку, в мешок сложил одежду, сверху каравай и добрый шмат соленого сала, на пояс подвесил старую мятую флягу с самогоном. Присели на дорожку.

Отец сказал Матвею:

– Сын, ты остаешься за главного. Оставляю тебе патроны все, бережно расходуя, зазря не пали. Пасека на тебе, мать поможет, она знает. Зимовье не забрасывай. В этот год грибов много будет, заготовить надо. Поросей по осени забейте – к соседу пойдешь, он дома по здоровью остается. Он поможет, я уже договорился. Солонины наготовьте. На бане крышу поднови, прохудилась. И это... мать береги, помогай ей во всем.

Матвей слушал и не слышал. Все это было как-то... не взаправду. Не могло такого быть. Батя – он же всегда был рядом. Он всегда учил и подсказывал. И всегда говорил о том, как Матвей останется главным, если вдруг что. Когда в далеком Петербурге расстреляли демонстрацию, а потом в Москве случилось восстание, по деревне загуляли слухи, что вот сейчас всех соберут и повезут в столицу, царя защищать. Матвей тогда был совсем маленький, но хорошо помнил взволнованные глаза мамы и общий деревенский сбор. Отец тогда говорил что-то, по обыкновению рубя ладонью воздух, толпа волновалась и качалась. А Матвей висел на заборе и ничего не понимал, но страшно гордился отцом.

И вот это самое «если вдруг что» наступило. Именно что вдруг наступило. Матвей страшился за отца, боялся ответственности и неизвестности, совсем немного. Он пытался и не мог осознать, что вот прямо сейчас ему надо стать взрослым, он не был готов к этому. Отец так многому его еще не научил, так много не рассказал.

«Хорошо хоть медведя того мы вместе застрелили», – подумалось ему вдруг не к месту. И суматошные мысли приняли другое направление: как охотиться и на кого? И когда? Как травы заготавливать, ягоды с грибами? Как солонину делать? Как мясо коптить? Тысяча «как», «почему» и «зачем» вертелись в голове. Но спрашивать Матвей не стал. Не на это надо было тратить эти оставшиеся минуты...

И они пошли провожать отца. Мама шла, прижавшись к нему, а отец обнимал ее за плечи. Матвей шел с другой стороны, неся отцовскую берданку. И так же по улице шли семьи. Шли на площадь перед домом старосты. Там уже собралась вся деревня. Но все стояли по отдель-

сти, друг с другом, урывая последние минутки. А потом на крыльцо вышел староста и громко заговорил:

– Началась война! И надо бить австрияк, загнать их в их норы. Давайте, мужики! А мы вас ждем. За семьями вашими догляд будет, вы не волнуйтесь. Не бросим ведь, а, народ?

Народ на площади загомонил, слышались выкрики: «Не бросим, конечно!». Отец обнял их с матерью, расцеловал крепко, царапая жесткой щетиной щеки, подхватил берданку и пошел к крыльцу. Там уже выстраивался отряд из десяти деревенских мужиков, которых позвали воевать. Тут же стояли две подводы, на которых им предстояло отправиться в город.

На одной из подвод сидел невзрачный пузатый мужичонка в болотном кителе и мятой фуражке. Прозвучала команда, и мужики расселись по подводам, закинув туда же свои пожитки. Свистнул кнут, и подводы со скрипом тронули с места. Над площадью висела мертвая тишина, и в этой тишине скрип колес звучал особенно тоскливо. Толпа двинулась следом за подводами, провожая мужиков. На войну. Постепенно толпа провожающих редела, и только мальчишки да старшаки продолжали молча идти за маленьким караваном. Отец смотрел на Матвея не отрываясь, а затем вдруг соскочил легко, прижал его к себе порывисто, отстранил за плечи и, глядя в глаза, сказал весело:

– Ты не грусти, сын. Живы будем – не помрем. Мать береги, – развернулся и в два прыжка догнал подводу, запрыгнул на нее и закурил, улыбаясь. Таким его Матвей и запомнил – улыбающимся и с самокруткой в зубах. Матвей стоял, потерянно опустив руки и глядя вслед отцу. Злые слезы капали в пыль. Он развернулся и пошел к дому – пора было становиться главным...

Над деревней повисла тягостная тишина. Мальчишки не носились по улицам, гоняя кур и поросят, женщины не судачили, облокотясь на калитки. Тишина. Только старушки сидели на завалинках, согреваясь на солнышке – кровь уже не грела...

Оставшиеся в деревне мужики собрались на площади со старшаками – держали совет по дальнейшему деревенскому обустройству. Нужно было перераспределить силы: как ставить сено на всю деревню, картошку копать... да мало ли дел в деревне? А рук заметно поубавилось.

Матвей тоже пошел на площадь. Он рассудил, что раз уж остался вместо отца, то и понимать все должен как отец. Мужики молча глянули на него и подвинулись, давая место в общем кругу. Матвей молчал и слушал, что старшие говорят, со своими мыслями вперед не лез. Он впитывал каждое слово и пытался разобраться в причинах тех или иных решений. Когда речь зашла о помощи каждому из десяти дворов, оставшихся без хозяев, Матвей все же не смолчал:

– Почему без хозяев? Отец меня за главного оставил, значит я и хозяин.

Мужики переглянулись, одобрительно посмеиваясь, и староста спросил с хитрецей:

– А сам со всем хозяйством справишься, хозяин?

Матвей смутился, но набычился упрямо:

– Надо будет, и справлюсь.

– Да ты не ершишься, Матвей. Мы помочь хотим. А хозяин, конечно, ты, – вступил в разговор тот самый старшак, который раньше норовил Матвея пнуть или подзатыльником наградить.

Матвей глянул на него и ничего не ответил. Порешили так: сначала всей деревней делают все деревенские дела, а потом помогают каждому из десяти дворов.

Матвей пошел домой. Там ждала мама, надо было делать домашние дела. Подоить корову, прибрать в хлеву, задать корма... дел на дворе всегда множество.

Мать сидела на завалинке, подперев щеку кулаком, и перебирала пальцами шерсть на загривке лежащего у ее ног Серко. Тот блаженно щурился и даже не встал навстречу Матвею, только хвостом шевельнул лениво.

Увидев Матвея, мать подхватила с крыльца, обняла его порывисто и заплакала наконец, отпуская страх. Матвей гладил ее по спине, уговаривая не плакать.

Потом они до самого вечера занимались домашними делами, грустить было особо некогда.

Ужин был тоже непривычным. Отцовское место пустовало, и стол выглядел, как щербатый рот. Мать поставила было Матвееву миску на отцовское место. Матвей молча глянул на нее исподлобья и переставил на привычное место. За ужином он рассказал маме, о чем они договорились с мужиками, и пошел спать...

Прошло две недели. Точнее, пролетели в делах. Подновил крышу на бане, подправил забор... Пришло время ехать на пасеку. В этот раз без заезда на зимовье – нужно было проверить рамки и откачать первый мед.

Медогонка лежала в телеге. Матвей внимательно перебрал в голове все, что уже сложил в телегу – не забыл ли чего. Они с мамой закрыли ворота и поехали. Матвей правил, мама тряслась сзади, иногда охая на кочках.

До пасеки добрались быстро. Стоял жаркий свежий полдень, и над пасекой висел неумолчный гул – пчелы трудились, ныряя в леток с полными мешочками пыльцы на ножках. Матвей слегка переживал, хотя пчелы его не кусали тоже. Сгрузили с мамой медогонку, поставили в тенек, рядом с ней поставили деревянный бочонок.

Мама поудивлялась на шалаш – очень он ей понравился. Матвей тем временем запалил дымокур. И пошли они проверять ульи. Матвей открыл крышку первого улья. Пчелы встревоженно крутились вокруг, и Матвей пшикал дымом, отгоняя их в сторону. Вытащил первую рамку, посмотрел ее на свет – полнехонька!

Обрадованно вытащив пяток рамок, он понес их к медогонке, сметя предварительно веточкой пчел обратно в улей. Соскреб восковые пробки, установил две рамки в медогонку и принялся раскручивать ручку. Рамки завертелись, разогнались, и вот по желобку в бочонок потек прозрачный очень запашистый мед...

Они наполнили медом оба бочонка, закрыли улики и прикопали все следы меда, чтобы не привлекать медведя лишним запахом. Домой ехали повеселевшие немного – мед был очень удачным, созревшим, хотя и таким ранним. Матвей не удержался, залез пальцем в бочонок, за что тут же получил крепкий подзатыльник от мамы. Но палец он облизал с превеликим удовольствием!

Вот и случилось первое серьезное дело без отца. Сколько их еще предстоит...

Глава 6

Матвей собирался на зимовье. Нужно было завезти туда соль, кадушки под грибы, укроп сушеный, надрать смородинового листа. Внутри его снедало волнение. А как иначе? Первая самостоятельная поездка в тайгу, только он и Серко. Страшно... и очень гордо. Матвей твердо знал, что отцу за него краснеть не придется. Вот вернется с войны и увидит, что хозяйство по-прежнему крепко, грибы засолены, солонина в доме есть, дичь набита, крыша на бане подлата... А еще сено поставлено, дрова на зиму заготовлены, поле убрано, картошка в погребе ссыпана рядом с морковью и свеклой, капуста в бадьях квасится, телега обслужена, сани тоже обихожены...

Вот только не знал пока, как он все это сделает. Но если отец делал, то и он сможет. Некогда переживать, работать надо. И он работал. Каждый день от зари до зари тянул всю отцовскую работу (так ему тогда казалось). И гордился этим невероятно.

Завтра надо ехать в тайгу – грибы пошли. Маслята по сосновым опушкам, подберезовики с подосиновиками и крепкие грузди по березовым колкам, а в чистых сосняках – белый гриб.

Пришло время заготовок. Матвей договорился с уличанскими мальчишками и девчатами, и они всей гурьбой будут заготавливать сразу на несколько семей. Мальчишки обустраивают весь быт, подготовят летнюю печку на полянке возле зимовья и будут собирать грибы. А девчата будут их солить в березовых кадушках. Командовать девчатами будет Анята как самая опытная – она каждый год со своими родителями и братьями выезжала в тайгу на заготовку и знала об этом все. А пацанами будет руководить Матвей. И это заставляло собраться, обдумывать все и искать совета у мамы.

– Мам, а как лучше грибы заготавливать? Ну, когда одно лукошко – это одно, а тут ведь на всех надо.

Мама принялась обстоятельно рассказывать – понимала, как важно для Матвея не ошибиться:

– Ну, сначала, сынок, ты должен всегда знать, что нужно делать. Даже если совсем не знаешь. Тебя поставили управлять, а это ответственность. От того, как ты скажешь, будет зависеть все. Поведешь за грибами не туда – и не заготовите ничего. Или слишком далеко будешь собирать – половину принесенных грибов будете выкидывать. Белый гриб три часа только нормально себя чувствует, а дальше червяк его съедает. А вот грузди с лисичками по три дня нормально лежат. Подберезовик брать надо только с крепкой шляпкой и на сухом месте. В сырости они быстро портятся, синеют. Маслята брать надо только некрупные и обязательно скользкие – такие самые лучшие.

Матвей запоминал из всех сил и сравнивал услышанное с тем, что знал сам. Он никогда так не обдумывал сбор грибов. А ведь, оказывается, так много всего нужно учесть! Мама меж тем продолжала наставлять:

– Если ты разом все виды грибов принесешь, девчата замаются их перерабатывать, ведь к каждому грибу свой подход. Вот и планируй. Если белого много – бери в первую очередь его и подосиновики с подберезовиками. Белый – царь-гриб, самый вкусный. А потом уже можно и грузди с лисичками собирать. Груздь все лето растет, до самого снега, успеете заготовить. А вот белый – капризный, чуть жара постоит – и все, нет белого. Чуть дольше чем надо дождик полил – и снова нет белого.

Матвей только диву давался – как много всего нужно знать, чтобы грибы заготавливать. Но зато какие вкусные они на столе, с чесночком и смородиновым листом, с укропным духом да под парящую отварную картошечку... Матвей сглотнул слюну и спросил:

– Мам, а солить их как? Варить надо или нет? Сколько брать соли да всего остального?

Но мама только сказала:

– А это тебе знать пока не нужно. Девчата ваши сами справятся. Анютка вон какая бойкая да шустрая, все умеет. А, Матвей? – и лукаво так улыбнулась, заставив Матвея покраснеть до корней волос, быстро и жарко.

Мама сделала вид, что не заметила его смущения, и продолжила, вставая и наливая ему холодного молока из кринки:

– На-ка вот, молока попей да послушай, что еще скажу. Твое дело Анютке помогать, а не командовать ей. Обеспечь ее грибами в полной мере, а уж она справится. Лучше подумай, как с мальчишками лес делить будете? Ведь не дело же под ногами друг у друга путаться и одними тропками ходить, так? Вот и подумай, какие приметные места знаешь, чтобы на участки поделиться и там собирать, к соседу не заходя. Ну и про медведей помнить надо – шумите побольше да без ружья от зимовья ни ногой. И кто-то обязательно должен с девчатами оставаться с ружьем.

Матвей потягивал холодное, с ледника, молоко, и только кивал, запоминая. Еще одну сложную науку предстояло постичь без отца...

Вечером они собрались с мальчишками и девчатами и стали держать совет: кто что с собой берет, чем кормиться самим, сколько им там прожить надо, кто остается в деревне помогать по хозяйству, и еще тысяча вопросов. Порешили так: в деревне останутся пять мальчишек. Они будут помогать по хозяйству тем, чьи дети на заготовке: дрова колоть, за скотиной ходить. В тайгу поедут на четырех подводах, повезут и припас, и соль с укропом, и кадушки для засолки. Воду будут брать на роднике, том самом, чудесно пахнущем кедром...

И вот день выезда. Подводы с утра выстроились у Матвеева двора, и Игнат уже вовсю наводил порядок, внося шум и суматоху в стройный порядок. Лошади только косили на него большими умными глазами, фыркали и подергивали ушами. Так они обычно отгоняли назойливых мух.

Матвей чмокнул маму в щеку и вышел за ворота, выпустив и Серко. На плече берданка, с собой солидный запас патронов, нож, топор, большой чугунок и чугунок поменьше, ложка деревянная в сапоге, в заплечном мешке каравай хлеба, добрый шмат сала да несколько коробков спичек. Остальной скарб с вечера был уложен в телегу, в том числе и гармонь – а чем прикажете вечерами заняться?

Все уже собрались и ждали только его. Мама вышла следом – проводить.

Матвей сложил все в свою телегу, еще раз обнял маму и дал отмашку – поехали. Его телега пошла первой – дорогу к зимовью знал только он. Мама перекрестила их вслед, и пошла в дом, заниматься делами. Скоро уже придут помощники, надо их накормить...

А Матвей, впервые ведший целый обоз, втайне страшно этим гордился и временами незаметно поглядывал на ехавшую за ним Анютку, притворяясь, будто осматривает следовавшие позади телеги.

Солнце недавно поднялось из-за горизонта, и его ласковые лучи мягко обнимали за плечи. Легкий ветерок отгонял комарье и мошку, принося с притаенного луга запахи просяпающихся трав. Верный Серко бежал у телеги, зорко обзревая окрестности на предмет всевозможных напастей, винтовка лежала под рукой. А за спиной без умолку болтал Игнат, вызывая дружные приступы хохота. И Матвей немного успокоился, перестал так сильно волноваться. В конце концов план на сегодня был понятен – добраться до зимовья и обустроить быт, а потом пробежаться вокруг, присмотреть приметные деревья и балки для распределения участка. А на завтра он спланирует сегодня вечером. Так и будет планировать, день за днем. Придя к такому решению, Матвей окончательно успокоился и принялся балагурить вместе с Игнатом, чему тот откровенно обрадовался – вдвоем у них всегда получалось поднять боевой настрой у всей команды.

Обоз втянулся в тайгу, и все примолкли. Вокруг вовсю буйно зеленели березки и осинки вперемешку с черемухой и рябиной. Запахи в воздухе витали сказочные, где-то невдалеке куковала кукушка и дробно стучал дятел.

Девчата, в тайге бывавшие редко, восторженно крутили головами. А когда прямо перед лошадьёю Матвея на дорогу выкатилась ежиха с двумя маленькими ежиками, пискам и визгам не было конца. Матвей соскочил с телеги, подхватил ежиху и ежеиков на руки и поднес их девчатам, показать. У маленьких ежеиков иголки были мягкие и они смешно тянули любопытные носы, обнюхивая ладошки. А мама-ежиха раздраженно фыркала и пыталась цапнуть Матвея за палец. Ежики, такие добродушные с виду, питаются гадюками и мышами, и зубы у них острые. Матвей не стал долго мучить ежеиков и отпустил их в траву на другой стороне дороги. Ежиха быстро пересчитала всех двух своих чад и спешно, смешно переваливаясь, увела их в густую траву.

Обоз тронулся дальше, но девчата еще долго обсуждали забавных ежеиков. А потом внимание их отвлекли два невероятно наглых бурундука. Они наперегонки скакали по березам, сопровождая обоз. Один из них набрался смелости и запрыгнул на телегу, где ехала Анютка с подружками. И девчата замерли, боясь спугнуть наглеца. А тот, пользуясь всеобщим замешательством, принялся деловито сновать по тюкам и мешкам, смешно водя маленьким черным носом и блестя глазками, время от времени призывая своего собрата присоединиться к нему. Но тот не рисковал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.